

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

ЧАСТЬ I

1951–1954 годы	12
1951 год	12
1952 год	40
1953 год	54
1954 год	62
Приложение 1. История трех комсorghов . . .	69
Приложение 2. От Шугозера до Волхова . . .	80

ЧАСТЬ II

1955–1956 годы	112
1956–1963 годы	114
1956 год	115
1957 год	119
1958 год	129
1959 год	139
1963 год	140
1964–1969 годы	141
1964 год	141
1965 год	156
1966 год	163
1968 год	174
1970-е годы	182
Примечания редактора	187
Аннотированный указатель имен	193

О Т А В Т О Р А

В 1989 году, уйдя на пенсию, я начал составлять и составил-таки свою родословную, используя архивные и книжные сведения, в том числе второй половины XIX века.

Ствол родословного древа образуют Сорокины, которые были рыбаками. Я даже разузнал адрес их дома, где они жили почти полтора века назад (рядом с Обуховским заводом). Скорее всего, они происходили из крепостных крестьян, которых завезли на берега Невы петровские вельможи, построившие на этих берегах свои дачи.

Подзаработав на продаже рыбы, прадед в 80-х годах XIX века из далекой городской окраины перебрался поближе к центру столицы — построил большой, в два этажа деревянный дом на берегу Обводного канала, там, где он впадает в Неву и где, только на противоположной стороне канала, возвышается знаменитая Александро-Невская лавра. В этом же доме (в архивах я нашел даже его чертеж) открыл мелочную лавку.

Одна из дочерей Сорокина стала моей бабушкой (соответственно, ее дочь — моей матерью). Она вышла замуж за рабочего-чугунолитейщика некогда знаменитого Семяниковского завода. Впрочем, это был не совсем простой рабочий. Семья Терещатовых приехала из Тверской губернии в Петербург (муж с женой и четверо детей) в конце XIX века. Когда отец семейства умер, его старшего сына, Федора, поместили в привилегированное училище имени цесаревича Николая, созданное по инициативе и при участии царской семьи¹. Естественно, богатых спонсоров у такого училища было не счесть.

Однако после окончания училища Федор, видимо ради семьи, был вынужден выбрать одну из самых тяжелых, но зато высокооплачиваемых рабочих специальностей — формовщика чугунного литья. Женился он на дочери домовладельца и лавочника, а одна его сестра вышла замуж тоже за домовладельца, вторая — за инженера, дворянина.

В конце концов Ф.В. Терещатов, мой дед, вырос в классного профессионала. В 20-х годах стал героем труда (тогда еще не социалистического).

В Публичке² хранится книга очерков о заводе (Невском машиностроительном им. Ленина)³. Так в ней один из портретов на всю страницу — деда. И это несмотря на то, что дед тогда уже не был рабочим. Был мастером, так сказать, мастером-выдвиженцем из рабочих.

Но истинно геройское свое деяние он совершил гораздо раньше. В первые послереволюционные страшные годы умерли голодной смертью два брата Сорокины, владельцы дома и лавки, и их семьи. У Федора Васильевича было четверо несовершеннолетних детей. А Невский завод стоял, не было работы. Делали гробы для своих умерших родственников (в архиве советских времен я нашел прошение рабочих, обращенное к директору завода, разрешить им делать гробы для умерших членов их семейств). Что ждало мою мать, ее двух сестер и брата? Директор завода позвонил на Адмиралтейский судостроительный: «Пропадает специалист высочайшего класса!» И судостроители согласились его принять.

Чтобы от Лавры добраться до судоверфи, требовалось из одного конца города пройти или проехать в другой его конец. А какой транспорт был в те суровые годы? И часто ли ходил? И не полз ли по-черепаши? А человек-то рабочий, возвращается на домашний ночлег с большого устатка.

Между прочим, я еще ни слова не сказал о матери, Клавдии Федоровне. С точки зрения анкетных данных ее биография довольно скудна. Родившись в 1903 году в среде лавочников, она почти всю свою жизнь пробыла домашней хозяйкой.

А теперь представьте себе небольшой жилой массив напротив Лавры из двухэтажных деревянных домов (в блокаду их разобрали на дрова для обогрева ленинградцев, страдавших не только от голода, но и от зимних холодов). Обитатели массива называли его Бассейкой — из-за вырытого в этом месте канала — бассейна, когда-то предназначавшегося для хранения плотов из бревен.

Так вот, мать, единственная из всех женщин Бассейки, зимой щеголяла в дорожном котиковом пальто. Как и я был единственным среди тамошней ребятни, кто раскатывал по дощатым настилам вместо тротуаров на новеньком легком и быстром самокате, купленном в ДЛТ⁴, что рядом с Зимним дворцом, тогда как мои приятели громыхали по доскам самокатами, сколоченными из досок же, и с колесами из шарикоподшипников.

Источником всего этого благоденствия являлся мой отец, Иван Александрович Тюев.

Если у матери лишь предки были крестьянами, то отец был крестьянином коренным, родился в 1903 году в небольшой деревушке Вешки, затерянной в малодоступных, топких лесах Новгородчины (кажется, она до сих пор существует, но уже в новом качестве, как дачное место для горожан). Не представляю, как и где отец окончил школу, как появился в Ленинграде и поступил в институт (я родился 9 октября 1931 года, когда он, судя по всему, был студентом), как окончил его в середине 30-х годов. Причем окончил блестяще. Его дипломную работу преобразовали в учебное пособие для студентов, а самого отца направили на работу в Москву, в знаменитую Академию им. Жуковского⁵. Академия дала двухкомнатную квартиру в тушинских новостройках.

Однако мать заскучала по своим многочисленным питерским родственникам, и семья через год или полтора вернулась на Бассейку, в свою старую квартиру. И мы с матерью вновь стали проводить каждое лето в Вешках. Там у родной сестры отца был огромный двухэтажный дом, в котором она жила с дочерью. Младший брат отца, не желая колхозничать, в 30-х годах вместе с семьей тоже уехал из Вешек, но не в Ленинград, а в пригородную Поповку, где возвел опять же двухэтажный дом с цветными стеклами на веранде и с крышей выше яблонь. У него было два сына, но все равно трудно поверить, что втроем можно было соорудить такое чудо, не имея лишней копейки в кармане.

Во время войны Центральное конструкторское бюро военного судостроения, где работал отец, было эвакуировано в г. Горький. По возвращении в Ленинград его разместили во дворце Строгановых на Невском проспекте, сейчас там филиал Эрмитажа.

Отец был старшим группы инженеров. Более высокая должность беспартийному не доверялась. На вопрос, почему он не в партии, отец отвечал уклончиво, намеком, что, мол, его могли бы счесть сыном кулака и, чего доброго, еще и выгнать с работы.

Но существовала, по-моему, и другая причина. У отца в 30-е годы был приятель из числа сослуживцев. Тот часто заглядывал к нам на Бассейку. Однажды пришел с дождя и развесил свой мокрый плащ на спинке стула, на котором сидел. На полу образовалась лужица, я подошел к нему (а было мне лет пять, не больше) и сделал ему замечание:

дескать, мама не любит, когда в комнате разводят грязь. Смущенный гость быстренько покинул квартиру. А когда появился снова, преподнес мне замечательный подарок: морской бой с различного типа военными корабликами, вылитыми из свинца.

Однако вскоре он совсем перестал ходить к нам. И я еще долго приставал к отцу: когда же, наконец, придет этот замечательный дядя. Но он так никогда и не пришел. Отец же хмуро отмалчивался. Прошло более десяти лет, а я иногда все еще играл в морской бой со своим однокласском, соседом по коммунальной квартире.

Лишь много позже я понял, почему внезапно исчез отцов приятель. В памяти встали кое-какие слова из разговоров, которые вели на Басейке он и отец: о предательстве властей, решивших разрезать на металл еще вполне боеспособные линкоры... Отец, выходит, извлек для себя урок из случившегося на всю жизнь, а именно: ни при каких условиях не совать нос в партию.

В свободные часы отец читал исторические романы вслух. Для меня, дошколенка. Помню, например, роман про Чингисхана⁶. Понимал ли я то, что слышал? Не помню, не знаю. Но слушал все же внимательно, хотя, конечно, это нельзя было сравнить с чтением вслух, скажем, сказки про волшебника из Изумрудного города⁷.

Все это на первых порах кончилось тем, что в 4–5-м классах, будучи в г. Горьком, я поменял свою книгу «Пятнадцатилетний капитан»⁸ на социально-политический роман армянского классика «Хаос»⁹ — настолько им увлекся. Наверное, нет ничего страшного в преждевременном забегании вперед. Видимо, это принесло мне некоторую пользу. Я стал рано учиться размышлять. Сначала о прочитанном, потом об услышанном и увиденном. Не обладая быстротой и глубиной мысли, такими, как хотелось бы, я научился путем длительных размышлений доходить до неожиданных умозаключений.

А в дальнейшем, начиная с класса седьмого, я вместо обычных домашних сочинений стал писать маленькие рассказы, скорее сочинять их жалкое подобие. Учительница литературы поведала об этом другим учителям, и на меня стали оглядываться.

В восьмом классе я решил окончательно: попытаюсь стать писателем! И чтобы начать учиться писать по-настоящему, на уровне художественной литературы, начал вести дневник. Стал постоянно ходить с карандашом и блокнотом.

Но не только это побудило взяться за перо. 1946 год, первый послевоенный, был очень тяжкий, голодный. В школьных столовых перwokлашки, случалось, просили хоть какой-нибудь съедобный кусочек у старшекласников. Наша семья бедствовала. «Какой зеленый стал», — говорила мать. Школа выделила «зеленому» УДП — усиленное дополнительное питание. Однажды на обед дали ножку курицы. Я впился в нее зубами и опомнился только тогда, когда увидел в руках мелкий остаток куриной косточки. Я косточку съел, сам того не заметив. Или: раздается звонок в дверь квартиры. Входит немец из военнопленных. В руках — свистулька, самоделка. Проходит на кухню, свистит, кладет свистульку на стол и произносит умоляюще: «Клеба». Но приглядывается к «зеленому», оставляет свистульку на столе и тихо уходит. Или: вдоль всего моста через Фонтанку, того, что с конями Клодта, сидят на жгуче холодном ветру в ряд, плечом к плечу, безногие и безрукие дети, просят милостыню. И я все время хожу мимо них в шахматный клуб Дворца пионеров. Или: стоим с матерью часами в коммерческую столовую за тарелкой каши (дорого, но зато без продуктовых карточек), и такие истории от людей слышишь... В частности, записал рассказ бывшего солдата, побывавшего в плену у немцев. Его освободили американцы. И он возил на джипе их офицера. В общем, порассказал, какие американцы вояки. Пешком не ходят. Ездят только на автомобилях. Штурмом городов не берут. Предлагают неприятельскому гарнизону сразу сдаться. А если фриц не сдается, вызывают авиацию, выжидают, когда та сделает свое дело, и въезжают в город без единого выстрела. Вроде бы они и сейчас точно так же воюют.

В середине девятого класса, когда жизнь немного полегчала, я отложил дневник в сторону. Впечатляющих событий стало гораздо меньше.

В 1949 году поступил на филфак. И еще до первых занятий влюбился. На общем собрании абитуриентов. Сидел за ее спиной и положил в оттопырившийся кармашек ее кофточке записку с признанием в любви.

Вскоре — и чуть ли не на целых два года — эта записка превратилась в дневники, в особо толстые, специально купленные для этой цели тетради. Я и маялся любовью, изнывал от любви и в то же самое время в своих дневниковых записях стал изучать себя как человека, анализировать свои чувства и мысли, причем крайне честно, не скрывая от бумаги любые свои чувства, побуждения, какими бы плохими они

ни представлялись, — все это должно было пригодиться в моей будущей писательской деятельности.

И вот тут-то, семьдесят лет назад, в описание страданий молодого Вертера я начал постепенно вкрапывать записи и о событиях, так сказать, общественного характера, как это было в мои школьные годы. И таких записей становилось все больше...

Делая записи, я более всего старался быть точным и правдивым. Всегда носил с собой наготове авторучку, карандаши, бумагу, чтобы после интересного события или беседы, найдя укромное местечко, записать главные детали, главные мысли своих временных героев и тем самым держать свободными мозги и память, если вдруг опять возникнет что-то любопытное. Дневниковые записи — это, по сути, моя копилка чужих мыслей, а укромные места — библиотека филфака, например. Последним таким местом (к концу дня) была скамья в трамвае.

Впоследствии, когда весной 1989 года я вышел на пенсию и вновь обратился к своему стародавнему письменному творчеству, надоумился отделить одни записи от других: перестучал на машинке пальцами правой руки сначала записи любовные, потом, отдельно, все остальные. Поскольку первых было намного больше, сохранил за ними даты их написания, а в отношении вторых, которые состояли подчас из двух-трех предложений, указывать дни и месяцы считал не всегда нужным.